

DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-102-117

УДК 821.161.1

ОБРАЗ РЕКИ В ПРОЗЕ ДОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Тищенко Алексей Сергеевич

кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории филологии Федерального научного центра Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: alex.tishenko97@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9308-8990

Аннотация. Образ реки является одним из важных пространственных образов в русской литературе. В художественной литературе он может быть как сугубо географическим, дающим привязку к определенному месту, так и символическим (например, образ «реки жизни», «живого потока» и др.). Кроме этого, река в литературе может наделяться характером и настроением, соотноситься с внутренним состоянием героев произведения. В статье на материале рассказов, повестей и очерков писателей Дона (Ф.Д. Крюков, В.Д. Масловский, А.А. Коркищенко, А.В. Калинин) показывается, что образ реки выполняет различные функции: пейзажную и символическую. В художественном произведении пейзажная функция образа реки не самостоятельна, она коррелирует с сюжетными поворотами, мотивами, системой персонажей (таков образ реки в повести Ф.Д. Крюкова «На речке Лазоревой»). Кроме того, в повести Крюкова находит отражение восприятие реки как кормилицы, неразрывно связанной с казачьим бытом. Символический образ реки-границы, рубежа реализуется в произведениях А.А. Коркищенко «День лошади» (граница между жизнью и смертью) и В.Д. Масловского «На среднем Дону» (пограничная черта между своим и чужим миром, советскими солдатами и фашистами-захватчиками). Образ реки, соотносимый с родным домом, представлен в очерке А.В. Калинина «Лунные ночи» и в повести Ф.Д. Крюкова «В родных местах». Однако у Калинина речное пространство становится местом спокойствия и уединения героев, у Крюкова же образ реки тесно связан с мотивом тоски по дому, с воспоминаниями героев о прошлом¹.

Ключевые слова: донской локальный текст, образ реки и его функции, донские писатели

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гос. регистрации проекта 125011200150-2.

В литературе Юга России образ реки занимает важное место. С одной стороны, территория Юга богата реками (Дон, Кубань, Северский Донец, Маныч, Егорлык, Аксай, Тузлов, Кагальник, Волга и мн. др.), которые играют большую роль в хозяйственной и промышленной деятельности людей. С другой стороны, река представляется не просто как географический объект, а приобретает определенные функции в художественном тексте.

Главное место среди рек Юга России, бесспорно, занимает Дон, образ которого появляется в многочисленных художественных произведениях. В литературоведческой науке существует целый ряд работ, посвященных изучению природных образов, в том числе образа Дона, в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» [Ширина; Акиньшина; Васильев, Макарова; Ванюков, 2022а, 2022б; Муравьева и др.]. Поэтому мы сосредоточимся на творчестве других писателей (Ф.Д. Крюков, А.А. Коркищенко, В.Д. Масловский, А.В. Калинин), имеющих отношение к Югу России, творчество которых исследовано недостаточно или вовсе не рассмотрено в научном освещении, и проанализируем особенности и функции образа реки в их рассказах, повестях и очерках.

Изучению образа реки в литературе посвящены многие современные работы [Москалинский; Захарова 2006, Захарова 2013; Кусмидинова; Дырдин и др.]. А.А. Москалин-

ский утверждает, что образ реки может выступать как в географической функции, так и в философско-символической (например, «река жизни»), а также в локально-динамической (когда река осмысливается как живая, ее настроение может соответствовать настроению героев, их внутренним переживаниям и т. д.) [Москалинский: 141]. Рассмотрение же образа реки в творчестве донских писателей вписывается в парадигму исследования локального текста Юга России. Его изучение позволяет выделить культурные, исторические, духовные, ментальные, поведенческие признаки людей, живущих в определенной местности: «Локальный текст – это корпус “текстов о месте”, благодаря которым само “место” наделяется рядом дополнительных характеристик» [Баянбаева: 77].

В рассматриваемых нами произведениях образ реки выполняет определенные функции. Река – неотъемлемая часть пейзажа, но, безусловно, пейзажная функция не самостоятельна, а связана с сюжетными поворотами, мотивами, другими образами. Например, в повести Ф.Д. Крюкова «На речке Лазоревой» пейзажная зарисовка «Восток горит румянцем. Неподвижные, чешуйчатые облака чуть тронуты пурпуром. Зеленая стена войскового леса за нашей речкой лазоревой с уступами, прорывами, куполами стоит тихая, неподвижная, мечтательно-безмолв-

ная. Багряным веером лежит заря на речке» [Крюков: 232] создает фон действия, позволяет читателю представить умиротворенную картину казачьего поселения. Вокруг речного пространства все оживает: «Синяя речка с песчаной косой, над ней безбрежная, кроткая тишь и – воинственный марш. Ясный сон летнего дня, фыркание лошадей, проворный свист крошечных куличков и – чуждая красивая печаль, жалоба нарядная, выплаканная в мелодии вальса» [Там же: 213]. Герои поют песни, отдыхают, шутят, наслаждаются прекрасным днем на берегу «милрой и родной Медведицы»: «Городские мотивы на берегах первобытной, раскольничьей, милой нашей Медведицы, привыкшей к песням протяжным и грустным, казались чужеземными гостями, нарядными, изящными и диковинно-странными» [Там же].

Исследователи подчеркивают, что Ф.Д. Крюков

«наделял пейзаж целым рядом нарративных функций: обозначением места и времени действия, отражением точки зрения автора, мотивацией национальных черт сознания героев, формированием психологии персонажей. Включенность человека в пейзаж, соотношение психологической ситуации и состояния естественного мира во многом объясняют природность героев Крюкова, что особенно продуктивно для решения темы вторжения социальных факторов в органичную жизнь казаков» [Гао Хань, Солнцева: 96].

Река в повести является и пространством действия, и приобретает черты героя произведения, что подчеркивается оценочными эпитетами: «милая наша Медведица», «наша речка милая, тихая и песчаная» [Крюков: 213], «наша речка лазоревая» [Там же: 232]. Примечательно определение «речка лазоревая», которое вынесено в заглавие. Лексема «лазоревый» относится к языку народной словесности и имеет значение «лазурный». Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, «Лазурный. Цвета лазури, светло-синий <...> перен. Идиллический, несбыточный. Лазурные мечты» [Ожегов: 280]. Кроме очевидной характеристики цвета реки, можно рассмотреть и переносное значение «идиллический», явно оценочное значение, которое коррелирует с трепетным отношением автора к реке как к родному пространству, с ее олицетворением, восприятием как живого существа.

Река неотделима от казачьего быта: в произведении уделяется внимание рыбной ловле, причем лов рыбы изображается не как рутинная работа, а как праздничное, одухотворяющее занятие: «Было шумно по-праздничному. Рыбная ловля – не труд, а забава. И люди, обычно усталые, озабоченные, скупые на слова, – теперь, оторвавшись от скучной, будничной работы, стали иными, чувствовали себя молодо, легко, беспечно, весело» [Крюков: 212]. Рыбалка воспринимается как будоражащая

страсть, азартная игра: «Но была страсть, ради которой изменял он скупости, – рыбная ловля. Он накупал дорогостоящих снастей, арендовал воды, всегда терпел на этом убыток, терял много времени, но оставался верен своей охоте и милой реке, которую звал он, по-песенному, “речкой лазоревой”» [Там же: 221]. Река, дорогая местным жителям, не только кормит казаков, но и является неотъемлемой частью их жизни и быта. Казак-рыбак здесь изображается весьма охочим до речного лова, знающим реку до мельчайших подробностей: «А вы рыбалить? – Рыбалить. – Так что ж, пожалуй, и я с вами могу... Реку я знаю, даже как свой пальчик, – каждую ямку» [Там же: 208]. Тесная связь казачьей жизни с рекой, водным пространством подчеркивается примечательным сравнением бытовых предметов с лодкой и ее движениями по воде: «Тряская телега с крутыми боками, узкая и тесная, была похожа на лодку» [Там же: 209], «Я прилег в нашей лодкообразной телеге» [Там же: 213]. После удачного лова герои начинают приготовление ухи, «царской щербы», поучая друг друга: «Варить! Варить! Из живой рыбы щерба совсем отменитая, не как из сонной» [Там же: 219], «Рыбы не жалей, клади больше, но чтобы щерба была – одно слово!» [Там же: 221]. Высокая оценка свежесваренной ухи «Поспела уха. Она вышла действительно не дурна: крепкая, с возбуждительным ароматом, с особенным вкусом свежей, но замороженной

рыбы» [Там же: 223] еще раз подчеркивает, что река для казака – настоящая кормилица, а свежая и вкусная пища для дончака особенно хороша на берегу, на лоне природы. После сытного обеда казаки отдыхают, а затем один из них заводит песню, отраженную автором в самом названии повести: «Ах, на речке, братцы, было лазоревой, / Среди поля, братцы, было поля чистого... э-о-оой...» [Там же: 224].

Часто именно образ реки соотносится с образом родного дома, мотивом тоски по родным краям. Такую тесную связь встречаем в повести «В родных местах». Мотив тоски по родным местам можно выделить в самом начале повести: «Ссылный поселенец Енисейского уезда, из донских казаков, Ефим Толкачев истосковался по родине, которой он не видел двадцать лет, и ушел на Дон» [Там же: 134]. Примечательно, что в первых же строках произведения упоминается именно Дон как образ родного дома. В этом тексте Ф.Д. Крюкова, в отличие от некоторых других произведений писателя, нет пространного описания реки, пейзажных зарисовок, связанных с рекой, однако очевидно восприятие Дона как реки родной, связывающей героя с домом. Попав в родные края после многолетней ссылки, герой стремится именно к Дону: «Хотел остальной раз взглянуть на тихий Дон... И вас, моих родненьких, не мог из сердца выкинуть» [Там же: 139], – говорит герой брату при встрече. Мысль «остальной»

раз увидеть Дон становится последним желанием в жизни Ефима Толкачева: «невтерпеж моему сердцу стало, и я взглянуть захотел остальной раз на свой тихий Дон, да с тем и помереть...» [Там же: 149].

В повести главной является тема возвращения в родные края после долгой разлуки, с этой темой связан мотив непреодолимой тоски по малой Родине. Эти тема и мотив раскрываются при помощи бинарной оппозиции «свой – чужой». Когда герой находится в ссылке и к нему приезжает жена с сыновьями, они привозят с собой кусочек родного дома, «своего», донского края в «чужой», ссылке. Связь героя с родными краями очевидна на уровне ощущений: «Они принесли с собой, вместе с пучками степных трав, аромат далекой родины, ее землю в ладанках, ее песни и живые вести о ней. И как трепетно, и сладко, и больно забилося сердце старого поселенца... В его неуютной и голой избе вдруг стало тепло, шумно, бодро... Жизнь как будто осветилась, улыбнулась, стала просторнее» [Там же: 134]. Смерть жены в ссылке, которая произошла по объективным причинам (героев несправедливо обвиняют в убийстве человека, какое-то время они проводят в заключении, условия которого ухудшили здоровье женщины), воспринимается исключительно как смерть от тоски по родному дому: «Но в Сибири она зачахла и скоро умерла. Она все тосковала по родине, вспоминая о ней ежедневно,

а перед смертью, в бреду говорила про свои пашни и про гумно у часовенки, там – под хутором» [Там же: 134]. С уходом жены и обостряется тоска по дому, и снова вокруг все будто пустеет: «Умерла старуха. И стало совсем пусто в разоренной хате Ефима, пусто, сиротливо и жутко, словно смерть притаилась где-то тут и за всем следила своим ледяным взглядом» [Там же: 137]. Со смертью жены погас и «лучик», связывавший героя с родными местами: «Темно и скучно стало и на душе у Ефима» [Там же].

Ефим с сыновьями тоскуют, мечтая вернуться к родному «тихому Дону»: «Они приезжали каждый раз на переменных лошадях, кутили, шумели, пели песни, – милые, славные песни родины, – бранили Сибирь, и отца иной раз бранили, говорили, что уйдут они из этой проклятой Азии, непременно уйдут назад, домой, на тихий Дон, по которому, наверно, даже кости их матери тоскуют» [Там же]. Здесь оппозиция «свой – чужой» реализуется как противопоставление родного «тихого Дона» и чужой «проклятой Азии». Мотив тоски по родным местам усиливается благодаря художественной детали «даже кости их матери тоскуют» [Там же]: тем самым подчеркивается, насколько герои тесно связаны с Доном, с родной землей, ведь старуха перед смертью все время вспоминала родной хутор.

Пейзажи родных мест всплывают в тоскливо-светлых воспоминаниях героя о доме,

и именно эти воспоминания становятся основой внутренней силы героя, раскрывают его настроение, показывают, насколько глубока связь человека с домом:

«И когда ребята уезжали, а Ефим оставался один среди хмурой и безучастной тишины в своей осиротелой хате, он предавался мечтам о родине, вспоминал о своей далекой молодости, мысленным оком озира́л свою неутомонную жизнь... И во сне часто он видел себя там, среди зеленого простора родных степей с их бездонным и ярким небом. Рассыпались, сверкали и трепетали песни жаворонков... Безбрежный стрекот кузнечиков разлит был кругом... Волнистое море хлебов плавно колыбалось и тихо шептало что-то приветливое и ласковое... Синеватые балки жмурились в переливающихся струях горячего воздуха... И сердце Ефима при этом билось трепетно, смеялось и плакало и пело чудные песни восторга и счастья» [Там же: 138].

Эти живые воспоминания подталкивают героя к возвращению домой, и он все-таки решает бежать «на тихий Дон» по железной дороге «зайцем».

Внутреннее состояние героя неоднозначно, он волнуется, его сердце сжимается, когда он приближается к родному краю: «Неудержимый трепет волнения, робости и надежд охватил его, когда он стал выезжать в родные места. Как-то его встретит родина?» [Там же]. Герой узнает и не узнает родные места, в его сознании начинает рушиться сакраль-

ный образ родного края, созданный воспоминаниями. Оппозиция «свой – чужой», выражавшаяся до этого в противопоставлении «своего» Дона и «чужой» Сибири получает иное развитие: донской край начинает восприниматься героем как «чужой» – место, которое он пытается узнать и не узнает: «И ему стало грустно-грустно... Родина показалась ему теперь чужой, неласковой, черствой стороной» [Там же: 139]. Герой и внешне отличается от казаков, вызывает вопросы, сам начинает восприниматься как чужак: «Ефим был коротко, не по-казацки, острижен» [Там же: 141].

Далее в повести разворачиваются эпизоды узнавания и «неузнавания» героем родного края, трогательные встречи с родственниками и старинными приятелями, развивается мысль героя «остальной раз взглянуть на тихий Дон». После общения с родными людьми герой, арестованный за беспорядок и снова попавший в заключение, все же понимает, что Дон родной, «свой», а Сибирь «чужая». Это отражается в шуточных стихотворениях, которые сочиняет герой: «Жизня в кратцах и стихами, / Как в разлуке жил я с вами» [Там же: 146]:

«Переходя, после длинного введения о своей молодости, к рассказу о ссылке, он вздохнул и прочитал с подавленным чувством:

А в Сибири – страшный холод:

Вся природа аж дрожит...

Поселенец, как несчастный,
В свою родину бежит...
Двадцать лет и я в Сибири –
Так ужасно я страдал!
Ни малейшей там отрады
В двадцать лет я не видал» [Там же: 156].

В этих незатейливых стихах выражено отношение героя к ссылке, к жизни, которая очерчена ореолом холода и страдания, чему противопоставлено восторженное восприятие героем «милого Дона»:

«Он взглянул в лист и прочитал:
Дон, родная сторона!
Всегда снилась мне она...
Как засну и вдруг увижу,
Будто на тихом Дону
И от вас привет я слышу,
Милых сердцу моему... » [Там же: 156–157].

Негативными характеристиками наделяется все, что связано с Сибирью: «– Как же, говорят, житье будто хорошее в Сибири? – сказал десятник, – будто простор, всего много? – Земли много, – сказал Толкачев, – только какая земля? Глина, ржавь одна... Лесу много, – так и гудет, проклятый... круглый год гудет... Зверя много, а жизнь незавидная. Холод... Печальная жизнь. Все скоровано: и земля, и воды, и люди» [Там же: 156]. Беседуя со старинными приятелями, Ефим заключает: «Сколько я исходил земли, лучше нашего Дону не видал...» [Там же].

В финале повести дальнейшая судьба героя остается нераскрытой. Сбежавший из заключения, герой оказывается на распутье, бежит, сам не представляя, куда податься лучше. Однако можно сказать, что открытый финал произведения подчеркивает, что герой освобожден от заключения, не ограничен никакими препятствиями и волен распоряжаться своей жизнью, подобно свободной реке Дон:

«Он думал теперь, какое ему взять направление: в степь ли к своему хутору, или к Хопру. Потом он подсучил шаровары, перекрестился, засмеялся тихо и радостно, решив не думать о будущем, и перебрел мелкое озерцо. Он пошел опушкой леса, а вправо от него расстилалась степь, ровная, тихая, звеневшая монотонной трелью кузнечиков, залитая прозрачным серебристым туманом лунного света. И ее простор ласково манил старого арестанта в свои объятия» [Там же: 159].

В очерке А.В. Калинина «Лунные ночи» помимо того, что река – неотъемлемая часть пейзажа («Когда же внезапно проснулся и глянул прямо перед собой еще затуманенными сном глазами, увидел сквозь стекло машины под горой обнимавшую подножие степи излучину Дона, белый остов дебаркадера на воде и рассыпанную на прибрежном склоне толпу домиков районной станицы» [Калинин: 260]), «Место и на самом деле было красивое: широкая река с островом посередине,

вербный лес на том берегу, а за лесом заливные луга, пестрые пятна станиц и сел на зеленом холсте и дальше табунные степи» [Там же: 291]), Дон, как и в рассмотренном выше произведении Ф.Д. Крюкова, связывает героев с родным домом, часто появляется в их воспоминаниях о родных краях, становится местом уединения: «Если же Еремин, приезжая, не заставал Михайлова дома, он уже знал, где его искать: или в садах, где работали женщины, или на бугре у трактористов, или же у реки. Михайлов обычно сидел в приткнутой к берегу лодке и смотрел на Дон» [Там же]. В этом эпизоде река приобретает черты особенного пространства, где герой находит спокойствие, отдыхает от мирской суеты.

Нередко в художественной литературе образ реки выступает как рубеж, разделительная черта, как реальная, так и символическая: граница между своим и чужим миром, экзистенциальная граница (например, между жизнью и смертью). Значением пограничного пространства обогащается образ реки в произведениях А.А. Коркищенко. В рассказе «День лошади» река становится «порогом» отчего дома, на котором, как думает герой, ему суждено принять свою смерть: «Заснул я в седле – измотался за день. Да и Альфа подремывала на ходу – тоже загнанная была, а ну-ка с зари до зари носить меня по полям да фермам!.. Вышла она на мост через реку, а тут с того берега из-за рощи табун стригунков вылетел – волки, наверно, его шуганули»

[Коркищенко: 19]. Быстрое течение реки соотносится с резким сюжетным поворотом – падением героя в реку, его стремлением выбраться:

«...вымчал бешеный табун на мост. Толкнули нас с Альфой, прижали к легким перилам. Перила треснули, сломались, и булькнули мы в воду как раз на середине реки. Я вынырнул – и опять под воду. На мне протез – железа много, да и пловец я не ахти какой. Фуфайка и ватные брюки намокли, тянут на дно. И до берега неблизко. <...> Бултыхаюсь я, захлебываюсь и никак не могу отстегнуть проклятый протез. А на сердце стынь-тоска: фронт прошел – жив остался, а тут у самого родного села, у семейного порога, к рыбам в гости жалую. Кричу: “Ратуйте! Тону!” – а кругом ни единой души. Лошадь выплыла, бегаёт по берегу, ржет, глядя в мою сторону» [Там же: 19–20].

Река становится и местом испытания героя: «Река как препятствие и преодоление героем реки аналогично подвигу. Зачастую преодоление реки рассматривается как совершение героем не физического, а нравственного подвига» [Кусмидинова: 193].

Река в рассказе выступает как сакральное пространство между жизнью и смертью. До падения с моста герой жив, однако, оказавшись в воде, когда быстрое течение уносило его, он уже считает себя погибшим. Интересно, что вступление в реку осмысливается как героический поступок, подвиг: «Мотив

вступления в реку означает начало важного дела, подвиг; переправа через реку – завершение подвига, обретение нового статуса, новой жизни» [Топоров: 376]. Падение же в реку представляет собой скорее опасность, примечательно, что в русской культуре вода часто является миром потусторонним: в ней живут разнообразные удивительные существа (порождения мифологического мышления), такие как русалки и водяные. Река в этом эпизоде ассоциируется с иным миром, где обычный человек не выживет.

Образ реки как границы между своими и чужими встречаем в повести «На среднем Дону» В.Д. Масловского, действие которой происходит во время Великой Отечественной войны. События разворачиваются на хуторах близ Дона, которые необходимо защищать, так как туда прорвались фашисты: «– Дон середь России, Алешка. Отдать отдали, как назад вертать будем? – сказал дед Воронов. Рыжая борода его дрожала, и рука, чesавшая ее, тоже дрожала. – Немец на Дону! Боженька ты мой!» [Масловский: 5].

Дон является разделительной чертой, рубежом между двумя мирами – миром Советской России и немецких оккупантов, своими и чужими. Эта граница не должна быть сдвинута, нельзя пропускать врагов на свою территорию. Дон – территория, на которой происходят кровопролитные схватки не на жизнь, а на смерть: «Чем ближе к Дону, тем тяжелее и безутешнее выглядела картина

общего бедствия. Вместе с войсками по всем дорогам и прямо целиной брели люди, стада; паря кипящими радиаторами, ползли тракторы, выбивались из сил взмыленные лошади. Пот разъедал глаза. От дыма пожарищ и зноя нечем было дышать» [Там же: 39].

В произведении нет привычного читателю описания Дона как вольной реки, такой же своенравной, как и донские казаки, или как тихого спокойного места, соотносящегося с родным домом. Дон здесь – пристанище грохочущих машин, скрежещающих танков и разрушительных пожаров, место встречи своих и чужих. За Доном – фашистские захватчики, которые рвутся вперед по всем направлениям, стремятся попасть вглубь России. Необходимо их отодвинуть от родной земли, изгнать со всей своей территории:

«–Пробовали Дон перейти – ничего не вышло. У Галиевки пробовали, – хмыкнул в нос, губы в полоску. – Пустил гад в воду, а потом из пулемета строчку перед самым носом, и цюрюк. Стою перед ним голый, а он, гад, смеется: “Иван буль-буль...”. Хороши ночи, хоть глаз выколи, а куды... – А под Монастырщиной? – заинтересованно замер Алешка. – Пробовали и там. Вдвоем уже, ... Дон, что ты хочешь. Мы калачи тертые, а и то не вышло. – Икнул, затянувшись. Мстительно-зло; – Теперь в примаки. Бабе под подол. Ты угадал» [Там же: 58].

Даже «тертые калачи» не могут пересечь Дон, нет возможности преодолеть эту грани-

цу. Там, за ней, остались Родина и дом, любимые люди. Но никак не одолеть эту стихию. Один из главных героев, Андрей Казанцев, оказался в трудном положении, когда он остался на одном берегу, а его дом, а главное, любовь – на другом. Герою приходится лишь вспоминать, как было раньше. Представляя собой переход, стык, пересечение, встречу, река изначально связана с переживанием кризисных моментов в судьбе Андрея. Все, что осталось по ту сторону, будто похоже на сон:

«О доме думалось постоянно. Особенно теперь, когда он был в каких-то двадцати-тридцати верстах. Их делил только Дон. Но как именно теперь они были неизмеримо далеки друг от друга!.. Днем с бугров пытливо и тревожно оглядывал знойное Задонье. Вглядывался в режущую синь до слез, будто на самом деле мог что-то увидеть в ней» [Там же: 68].

Река становится границей, причем как реальной – географической, так и условной – границей между прошлым и настоящим. Исследователь отмечает: «Образ реки в менталитете многих народов представляет собой границу миров. Это один из наиболее сильных образов коллективного сознания, проявившихся затем и в социальной жизни, поскольку границы между многими государствами проходили и проходят по берегам рек» [Кусмидинова: 190]. Мотив перехода

через эту черту сопровождается битвами, сражениями и страхом. Так, обращаясь к Андрею, влюбленная в него девушка говорит: «Клава обмерила глазами черное лицо, шею, мускулистые плечи, грудь Андрея, вздохнула: Боюсь, когда ты за Дон уходишь. Всякий раз...» [Масловский: 84].

В связи с образом реки-границы между двумя мирами – своих и чужих – эта оппозиция обостряется: все то, что приходит с той стороны, из-за Дона, воспринимается как чужое, инородное:

«Набухшая дверь хлопнула, впустив Алешку Таврова и тугой клубок морозного пара. – Володьку Лихарева взяли, – сказал Алешка, отопывая валенки у порога, и снял шапку. – О господи! Что он натворил там опять? – Газеты нашли у него из-за Дона, гранаты и ключи от итальянских машин. – Отчаюга парень. Сломает он себе башку» [Масловский: 117].

Итак, в рассмотренных произведениях писателей Дона образ реки наделяется различными функциями. Пейзажная функция этого образа несамостоятельна: она обогащается разными значениями – соотносится с сюжетными поворотами, внутренним состоянием героев, нередко река сама приобретает черты героя произведения. Интересны символические функции образа реки: это река-граница (между своим миром и чужим, между жизнью и смертью), а также символ родного дома.

Литература

Акинъшина, Т.В. Образ-символ Дона в воплощении судеб главных героев романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 7(51). С. 151–155.

Баянбаева, Ж.А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.

Ванюков, А.И. Герой и река в романе М. Шолохова «Тихий Дон»: связи и смыслы // Творческое наследие М.А. Шолохова в начале XXI века / отв. редактор Ю.А. Дворяшин. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2022а. С. 123–138.

Ванюков, А.И. Эпическая соотнесенность заглавия, образов героя и реки в «Тихом Доне» М.А. Шолохова // Мир Шолохова. 2022б. № 1(17). С. 58–68.

Васильев, С.А., Макарова, Е.С. Роль образов водной стихии в главах о Вёшенском восстании в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 4(52). С. 20–28. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.02

Гао, Х., Солнцева, Н.М. Место пейзажа в повествовательной структуре произведений Ф. Крюкова // Известия Саратовско-

го университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. Вып. 1. С. 95–98.

Диденко, Л.В. Мифологема реки и ее художественное воплощение в произведениях А.А. Блока и М.А. Шолохова // Art Logos. 2018. № 1(3). С. 80–88. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-1-95-98

Дырдин, А.А. Хронотоп воды / реки в раннем творчестве А. Платонова // Филологический класс. 2016. № 4(46). С. 62–68.

Захарова, В.Т. Онтологический статус образа реки в русской прозе XX века (по материалам мемуарно-автобиографической публицистики) // Вестник Мининского университета. 2013. № 2. С. 1–6.

Захарова, В.Т. Река как онтологический топос в прозе Б.К. Зайцева // Наследие Б.К. Зайцева: проблематика, поэтика, творческие связи / под ред. Ю.А. Драгуновой. Орел: ПФ «Картуш», 2006. С. 7–11.

Калинин, А.В. Лунные ночи // Собрание сочинений в 11 тт. Т. 4. Ростов-на-Дону: ООО «Омега Паблишер», 2016. С. 223–308.

Коркищенко, А.А. Сказания о лошадях и людях. Сборник повестей, рассказов. Ростов-на-Дону: ООО «ВиВ», 2007.

Крюков, Ф.Д. На Дону. В родных местах. М.: АИРО-XXI, 2020.

Кусмидинова, М.Х. Интерпретация образа реки в мифологии // Четвертые Лойфмановские чтения. Философское мировоззрение и картина мира: материалы Всероссийской

научной конференции (Екатеринбург, 17–18 декабря 2009 г.) / под ред. В.В. Ким. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009. Т. 2. С. 190–194.

Масловский, В.Д. На среднем Дону. Повесть. Ростов-на-Дону: Книжное издательство, 1975.

Мельникова, С.В. «В кораблике моем горит свеча...»: образ реки в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича) // Проблемы исторической поэтики. 2022. № 20(1). С. 110–133. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10222

Москалинский, А.А. Река как основной географический образ в художественной литературе // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 141–146.

Муравьева, Н.М. «Природа, мир, тайник Вселенной...» (по роману-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон») // Смыслы войны и смыслы мира (мира) в русской литературе и философии XIX – начала XXI столетия: коллективная монография / Сост., отв. ред. А.А. Дырдин. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2022. С. 291–301.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984.

Радбиль, Т.Б., Юхнова, И.С. Художественное воплощение национально-культурного концепта река в творчестве М.Ю. Лермонтова // Научный диалог. 2019. № 2. С. 127–142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142

Топоров, В.Н. Река // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Том 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия; Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1994. С. 374–376.

Худенко, Е.А. Реки Сибири в очерковых и художественных текстах В.Я. Шишкова // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: материалы всерос. науч. конф. / Науч. ред. Н.А. Матвеева; отв. ред. Т.П. Сухотерина. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 347–350.

Цимбалова, Ю.А., Лагунова, О.К. Образ реки в рассказах Е.Д. Айпина и В.И. Белова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2017. Т. 3. № 2. С. 59–70. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-59-70

Ширина, Е.А. Художественное осмысление природы в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон»: Традиции и новаторство: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2001.

References

Akinshina, T.V. (2007). *Obraz-simvol Dona v voploshchenii sudeb glavnyh geroev romana M.A. Sholohova "Tihij Don"* [The image-symbol of the Don in the lives of the main characters in Mikhail Sholokhov's novel "The Quiet Don"]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 7(51), 151–155.

Bayanbaeva, Zh.A. (2016). Lokal'nyj tekst i ego funkcii (na primere alma-atinskogo lokal'nogo teksta) [Local text and its functions (on the example of the Alma-Ata local text)]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism], 2, 77–84.

Didenko, L.V. (2018). Mifologema reki i ee khudozhestvennoe voploshchenie v proizvedeniyah A.A. Bloka i M.A. Sholohova [The mythologeme of the river and its artistic embodiment in the works of A.A. Blok and M.A. Sholokhov]. *Art Logos*, 1(3), 80–88.

Dyrdin, A.A. (2016). Hronotop vody/reki v ranem tvorchestve A. Platonova [Chronotope of water/river in the early works of A. Platonov]. *Filologicheskij Klass* [Philological Class], 4(46), 62–68.

Gao, H., & Solntseva, N.M. (2022). Mesto pejzazha v povestvovatel'noj strukture proizvedenij F. Kryukova [The place of landscape in the narrative structure of F. Kryukov's works]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of the Saratov University. A New Series. Series: Philology. Journalism], 22(1), 95–98. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-1-95-98

Kalinin, A.V. (2016). Lunnye nochi [Moonlit nights]. In A.V. Kalinin, *Sobranie sochinenij v 11 tt.* [Collected works in 11 volumes] (Vol. 4). Rostov-on-Don: Omega Publisher, 223–308.

Khudenko, E.A. (2020). Reki Sibiri v ocherkovykh i khudozhestvennykh tekstakh

V.Ya. Shishkova [Rivers of Siberia in the essays and literary texts of V.Ya. Shishkov]. In N.A. Matveeva, & T.P. Sukhoterina (Eds.), *Fundamental'nye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh proektov RFFI* [Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development of research projects of the Russian Foundation for Basic Research]. Barnaul: AltGPU, 347–350.

Korkishchenko, A.A. (2007). *Skazaniya o loshadyakh i lyudyakh. Sbornik povestej, rasskazov* [Tales of horses and people. Collection of novels and short stories]. Rostov-on-Don: ViV.

Kryukov, F.D. (2020). *Na Donu. V rodnykh mestakh* [On the Don. In their native places]. Moscow: AIRO-XXI.

Kusmidinova, M.Kh. (2009). Interpretatsiya obraza reki v mifologii [Interpretation of the river image in mythology]. In V.V. Kim (Ed.), *Chetvertye Loifmanovskie chteniya. Filosofskoe mirovozzrenie i kartina mira* [The fourth Loifman Readings. Philosophical worldview and worldview] (Vol. 2). Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 190–194.

Maslovskij, V.D. (1975). *Na srednem Donu. Povest'* [On the middle Don. The story]. Rostov-on-Don: Book Publishing House.

Mel'nikova, S.V. (2022). "V korabl'ike moem gorit svecha...": obraz reki v "Putevykh zapiskakh" arkhiepiskopa Nila (N.F. Isakovicha) ["A candle is burning in my boat...": the image of the river in the "Travel Notes" of Archbishop Nil (N.F. Isakovich)]. *Problemy Istoricheskoy Poetiki*

[Problems of Historical Poetics], 20(1), 110–133. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10222

Moskalinskij, A.A. (2010). Reka kak osnovnoj geograficheskij obraz v khudozhestvennoj literature [The river as the main geographical image in fiction]. *Pskovskij Regionologicheskij Zhurnal* [Pskov Regionological Journal], 10, 141–146.

Murav'eva, N.M. (2022). “Priroda, mir, tajnik Vselennoj...” (po romanu-epopee M.A. Sholohova “Tikhij Don”) [“Nature, the world, the secret place of the Universe...” (based on the epic novel by M.A. Sholokhov “The Quiet Don”)]. In A.A. Dyrdin (Ed.), *Smysly vojny i smysly mira (mira) v russkoj literature i filosofii XIX - nachala XXI stoletiya* [The meanings of war and the meanings of peace in Russian literature and philosophy of the 19th – early 21st Century]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 291–301.

Ozhegov, S.I. (1984). *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov* [Russian language dictionary: about 57 000 words]. Moscow: Russian Language.

Radbil', T.B., & Yukhnova, I.S. (2019). Khudozhestvennoe voploshchenie natsional'no-kul'turnogo kontsepta reka v tvorchestve M.Yu. Lermontova [The artistic embodiment of the national cultural concept of the river in the work of M.Yu. Lermontov]. *Nauchnyj Dialog* [Scientific Dialogue], 2, 127–142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142

Shirina, E.A. (2001). *Khudozhestvennoe osmyslenie prirody v romane-epopee M.A. Sholohova “Tikhij Don”: traditsii i novatorstvo* [Artistic understanding of nature in the epic novel by

M.A. Sholokhov “The Quiet Don”: Traditions and Innovation] (Candidate Dissertation, Belgorod State University, Belgorod).

Toporov, V.N. (1994). Reka [River]. In S.A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world] (Vol. 2). Moscow: Russian Encyclopedia; Minsk: Dealer; Smolensk: Rusich, 374–376.

Tsimbalova, Yu.A., & Lagunova, O.K. (2017). Obraz reki v rasskazakh E.D. Ajpina i V.I. Belova [The image of the river in the stories of E.D. Aypin and V.I. Belov]. *Vestnik Tyumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Issledovaniya. Humanities* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian Studies. Humanities], 3(2), 59–70. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-59-70

Vanyukov, A.I. (2022a). Geroj i reka v romane M. Sholohova “Tihij Don”: svyazi i smysly [The hero and the river in Mikhail Sholokhov's novel “The Quiet Don”: connections and meanings]. In Yu. A. Dvoryashin (Ed.), *Tvorcheskoe nasledie M.A. Sholohova v nachale XXI veka* [The creative legacy of Mikhail Sholokhov at the beginning of the 21st century]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 123–138.

Vanyukov, A.I. (2022b). Epicheskaya sootneshennost' zaglaviya, obrazov geroya i reki v “Tihom Done” M.A. Sholohova [The epic correlation between the title, the hero's image, and the river in Mikhail Sholokhov's “The Quiet Don”]. *Mir Sholohova* [The World of Sholokhov], 1(17), 58–68.

Vasil'ev, S.A., & Makarova, E.S. (2023). Rol' obrazov vodnoj stihii v glavah o Vyoshenskom vosstanii v romane M.A. Sholohova "Tihij Don" [The role of water elements in the chapters on the Vyoshensk uprising in Mikhail Sholokhov's novel "The Quiet Don"]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya Yazyka. Yazykovoe Obrazovanie* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Language Theory. Language Education], 4(52), 20–28. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.02

Zaharova, V.T. (2013). Ontologicheskij status obraza reki v russkoj proze XX veka (po mate-

rialam memuarno-avtobiograficheskoy publicistiki) [The ontological status of the River image in 20th-century Russian prose (based on memoir and autobiographical journalism)]. *Vestnik Minskogo Universiteta* [Bulletin of Mininsky University], 2, 1–6.

Zaharova, V.T. (2006). Reka kak ontologicheskij topos v proze B.K. Zajceva [The River as an ontological topos in B.K. Zaitsev's prose]. In Yu.A. Dragunova (Ed.), *Nasledie B.K. Zajceva: problematika, poetika, tvorcheskie svyazi* [B.K. Zaitsev's legacy: problematics, poetics, creative connections]. Oryol: Cartouche, 7–11.

Для цитирования: Тищенко, А.С. Образ реки в прозе донских писателей // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. Т. 11. № 2. С. 102–117. DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-102-117

For citation: Tishchenko, A.S. (2026). The image of the river in the prose of Don writers. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 11 (2), 102–117. DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-102-117

THE IMAGE OF THE RIVER IN THE PROSE OF DON WRITERS

Alexey S. Tishchenko, PhD (Philology), Researcher at The Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: alex.tishenko97@mail.ru

Abstract. The image of the river is one of the key spatial images in Russian literature. In literary works, it can be purely geographical, anchoring the narrative to a specific location, or symbolic (as seen in images like the "river of life" or the "living stream"). Furthermore, the river in literature can be personified, endowed with its own character and mood, and used to reflect the inner state of the characters. Drawing on short stories, novellas, and essays by Don writers (F. D. Kryukov, V. D. Maslovsky, A. A. Korkishchenko, and A. V. Kalinin), this article demonstrates that the image of the river fulfills various functions, both landscape and symbolic. Within a literary work, the landscape function of the river is not autonomous; rather, it correlates with plot developments, motifs, and the character system, as seen in Kryukov's novella "On the Lazorevaya River". Furthermore, Kryukov's novella reflects the perception of the river as a provider and nurturer, inextricably linked to the Cossack way of life. The symbolic image of the river as a boundary or frontier is realized in A. A. Korkishchenko's "Horse Day" (representing the boundary between life and death) and V. D. Maslovsky's "On the Middle Don" (serving as the dividing line between one's own world and the alien one, between Soviet soldiers and fascist invaders). The image of the river associated with the native home is presented in A. V. Kalinin's essay "Moonlit Nights" and Kryukov's novella "In Native Places". However, while in Kalinin's work the riverine space becomes a place of peace and seclusion for the characters, in Kryukov's the image of the river is closely tied to the motif of homesickness and the characters' memories of the past.

Key words: Don local text, image of the river and its functions, Don writers

